

Литературная газета

Орган Правления Союза Советских Писателей СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАГРИКОВОГО, А. ВОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЕДИНА, А. СЕЛЫВАНОВСКОГО, И. СЕЛЫВАНСКОГО, М. СУБОИКОГО, М. СЕРЕБРЯННИКОВА, М. ЧАРНОГО, Е. УСИВЧИХ.

№ 139 (455).

16 ОКТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

* Издательство «Академия» готовит полное собрание сочинений поэта под редакцией Б. М. Эйхенбаума. В этом году выйдут III и IV т. В них войдут и все драматические произведения. Впервые публикуются интересные варианты первой редакции «Маскарада», изъятые до революции по цензурным соображениям.
* Среди богатейших рукописных собраний московского Литературного музея имеются 5 автографов М. Ю. Лермонтова, два из них нигде до сих пор не опубликованы. Большой интерес представляет автограф «Никто моих слов не внемлет... я один» и второй автограф — одно из ранних писем поэта и своей бабушке А. Арсеньевой.
* За годы Октябрьской революции общий тираж изданий М. Ю. Лермонтова в СССР составил 2 млн. экз.
В частности его произведения выпущены на ряде языков народов Кавказа (Роста).

ЛЮДИ СОЦИАЛИЗМА

Рабочие-ударники московских заводов побывавшие на Краматорском машиностроительном заводе, были поражены не столько изумительным его оборудованием, не станками, среди которых есть единственные в мире, не протатыми станами гигантских размеров, не могучим тоннажем прессов. Они бывали на лучших заводах Москвы, они сами работают на московских гигантах, созданных и реконструированных первой пятилеткой. Их изумление было прекрасно выражено ткачихой Трехгорки, лучшей ударницей, только что ликвидировавшей неграмотность, пятидесятилетней Майоровой. Везла с московскими ударниками на территорию завода, она недоуменно спрашивала, что это же — краматорский парк культуры и отдыха? И когда ей рассказали, что эти здания, эти аллеи, цветники и клубы — это и есть Краматорский завод, она заплакала. Это были слезы удивления, в них с предельной силой выразилась радостная боль за счастье грядущего молодого поколения, у которого радостное настоящее и прекрасное будущее.

Ударники Москвы видели людей, создавших сказочный завод. Они беседовали с его руководителями. Вот они — живые герои пятилетки. Вот они — люди сталинской складки. Вот подлинные переустроители и создатели действительно прекрасного, изумительного в своей силе настоящего и ослепительно яркого будущего. Что же хотят эти люди? Они работают на социалистическом заводе; они материально хорошо обеспечены; они живут культурной, радостной, творческой жизнью. Они хотят, чтобы их изумительные дела нашли свое выражение в монументальных образах искусства, они хотят, чтобы они, живые строители гигантских сооружений пятилетки на камне, бетоне и стали, они, построившие новые отношения между людьми и в процессе работы и борьбы изменившие и изменяющие свою природу, увидели свои дела, увидели социалистического человека, воплощенного в волнующих образах искусства, они хотят, чтобы память об изумительной эпохе осталась не только в монументальных сооружениях из бетона, камня и стали, но и в синтетических образах слова, звука, краски, мрамора, выражающих человека этой замечательной эпохи.

Это законное желание. Публикуемое сегодня письмо ударников московских заводов, обращенное к АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ ГОРЬКОМУ и к нам, всем писателям Советского союза, с просьбой от краматорцев приехать к ним, поработать у них и создать художественные произведения, посвященные строительству и людям краматорского завода, имеет огромное литературно-политическое значение. Товарищи написали это письмо по собственному почину, пришли с ним в «Литературную газету» и горячо, настойчиво говорили о том, чтобы их предложение было реализовано.

Первый съезд мастеров слова нашей страны поставил перед всеми

художниками грандиозные задачи. Впервые с такой концентрированной силой, вниманием вся страна слушала писателей, выступавших с трибуны Колонного зала Дома союзов. Но страна социалистических читателей не только слушала, но и выдвигала свои требования. Со всей очевидностью обнаружилось, что тот уровень художественной культуры, на который поднялась сегодня советская литература, уже не удовлетворяет огромнейшие массы читателей. На съезде обнаружилось, что советская литература полностью не охватывает всех процессов, совершающихся в действительности. Жизнь наша богата и многообразна, даже не ее стремительно и бурно.

Мы видим, какие грандиозные требования выдвигаются жизнью, мы ощущаем на себе пристальный и требовательный взгляд многомиллионного читателя. Голос этого выросшего читателя звучит уверенно и могуче в строках письма рабочих-ударников московских заводов, публикуемого нами сегодня.

Нужно идти различными путями к созданию книги о Краматорском заводе. На материале строительства гигантов индустрии выросли настоящие и большие произведения искусства. Достаточно напомнить здесь о «Большом конвейере» Якова Ильина, книге, являющейся результатом работы писателя на Сталинградском тракторном заводе. «Энергия» Гладкова и «Трагедия ночи» Безыменского — результат работы на Днепрострое, «Время, вперед!» Натава и «День второй» Зренбург — результат работы на Магнитке и Кузнецке. Так возник и целый ряд других, не менее интересных книг.

Тов. СТАЛИН на XVII партсъезде говорил о необходимости дополнить пафос СТРОИТЕЛЬСТВА пафосом ОСВОЕНИЯ. Краматорский завод с его изумительной техникой, с его социалистическим обиходом является прекрасным материалом для воплощения в искусстве именно этой темы: пафоса ОСВОЕНИЯ. Наши писатели, работающие над темой освоения, не могут пройти мимо этого завода, который по праву носит имя великого вождя пролетариев мира т. СТАЛИНА. Советская литература должна обогатиться полноценной художественной книгой, построенной на материале Краматорского завода.

Московские ударники рассказывают о замечательных людях, выросших на Краматорском заводе. Это люди, рожденные первой и второй пятилетками. Союз советских писателей обязан выполнить просьбу краматорцев и создать книгу о людях Краматорского завода по типу книги «Люди СТЗ».

Редакция «Истории фабрик и заводов» необходимо включить в ближайший план своей работы создание истории Краматорского завода.

Редакция «Литературной газеты» присоединяет свой голос к требованию краматорцев. Мы уверены, что правление Союза советских писателей срочно обсудит письмо ударников и сделает все, чтобы с чистотой выполнить те требования, которые предъявляют к нашей литературе товарищи краматорцы.

Председателю Союза советских писателей М. Горькому
Всем членам Союза советских писателей

НАКАЗ КРАМАТОРЦЕВ

Дайте смелое произведение, сверкающее всеми красками нашей замечательной жизни

Дорогой наш Алексей Максимович и вы, его славные соратники, советские писатели! Мы, старейшие ударники красной Москвы и Московской области, только что вернулись из Донбасса, куда ездили по приглашению т. Саркисова и по указанию Московского комитета партии на 2-ю всесоюзную выставку рабочих огородов. Это была замечательная выставка. Ну, представьте: тыква весом почти в 4 пуда, кабачки — в 409 кля, лимонное дерево из квартиры рабочего из поселка Чистокосы, дающее ежегодно 25 плодов весом каждый в 250 граммов! И это не отдельные паучки выхваченные экспонаты: их там пелые десятки тысяч. Возмущение впечатление произвела шахтерка-домохозяйка Ганна Алексеевна: она выехала на выставку с полным урожаем своего огорода. — Все тут, на-те смотрите.

Но не о выставке у нас речь. Может быть, если это вас заинтересует, мы, пожалуй, очиним карандаши, падем очки и что-нибудь вам о выставке напишем, хотя мы не мастера пера, а мастера металла, угля, жести, самолетов, разных военных припасов. Сейчас у нас речь о другом.

По дороге в Москву, покидая столицу Донбасса — г. Сталино, заехали мы на Краматорский машиностроительный завод, носящий имя родного и пламенно любимого нашего т. Сталина. Ехали мы на машинах долго и попали на Краматорский завод поздним вечером. По пути, в Дружковке, наши автомобили окружили школяры-колхозники:

— А куда вы едете? — спрашивали они.

— На Краматорский завод.

— Вот счастливые люди. Ну и увидите же вы там, будет что рассказать т. Сталину.

Мы не понимали, почему так завидуют нам дружковские школяры: ведь Краматорский завод был не первым, который довелось нам видеть в Донбассе. Уже совсем смерло, когда мы приехали в Краматорск. Мы сразу попали в какой-то удивительно красивый город. Великолепные тополиные аллеи, блестящий асфальт, молочный свет красивых электрических фонарей, портреты Ленина и Сталина на расстущих цветах, как шаг портрет, Алексей Максимович, в парке культуры. Фонтаны бьют из бронзовых пастей лугушек.

— Это, наверно, зрелищный парк культуры, — сказала наша делегатка из Трехгорки Ольга Фролова Майорова.

— А я так думаю, что вот это дворец культуры, — сказал другой, показав на огромное здание с урбаническим зеленым входом.

— Да, что вы, что вы? — перебил нас поффер Федя, — это же завод. А это мартеповский цех.

Ну, вот мы видим, как вы, Алексей Максимович, удивились:

— Последки тоже пошехонцы, завода от парка культуры оттянуть не могут...

Нет! Не думайте так! Мы перевидали на своем рабочем веку много заводов старых и новых. Они из нас жия даже девять лет в Америке, другой «ездили почти все страны Европы. А вот перепутали. Созаеися, не могли отнчить завода от парка.

Да что вы! Вот газета «Вестерия Москва» поместила список мартеповского и 2-го механического цехов и назвали, что это, дескать, обиний вид новых рабочих домов нового города Краматорска. Ну, пожалуй, кофетная или там табачная фабрика, может быть, и похожи на рабочие дома, но мартеповский цех!

Директор завода Иван Тарасович Кириллин ходит теперь и показывает эту опечатку и гордится этой замечкой:

— Это, говорит, — для нас намер аттестата или диплома, что построили такой мартеповский цех, который не отличить от жилых домов.

Эта зелень, эти цветы и фонтаны, эти урны, этот асфальт, как сказал т. М. М. Казанович, «не роскошь. Они должны дать обиний тон человека на заводской площадке и обиний культурный тонус всей заводской жизни».

Надо ли описывать этот «завод заводов», делающий блуминги, прокатные станы, оборудование для нашего метро; нехватит бумаги; пожалуй, все валу «Литературную газету» займем, и вам места не останется.

В мире нет такого завода — этим сказано все. 1800 инженеров работают на заводе, а с постройки второй очереди будет их четыре тысячи. Мы видели изумительнейший станок «шпиф де фрез», буквально единственный в мире! В мартеповском цехе воздуху так много, что думаешь, будто попал в механический, а не в обычно душную мартеповку. На шпихтовом дворе порядок, как в аптеке.

— А зачем вы это нам все рассказываете? — спрашиваете вы. — Для развлечения или так, от нечего делать?

Нет, товарищи, мы привезли вам от краматорских большевиков, пролетариев, от директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

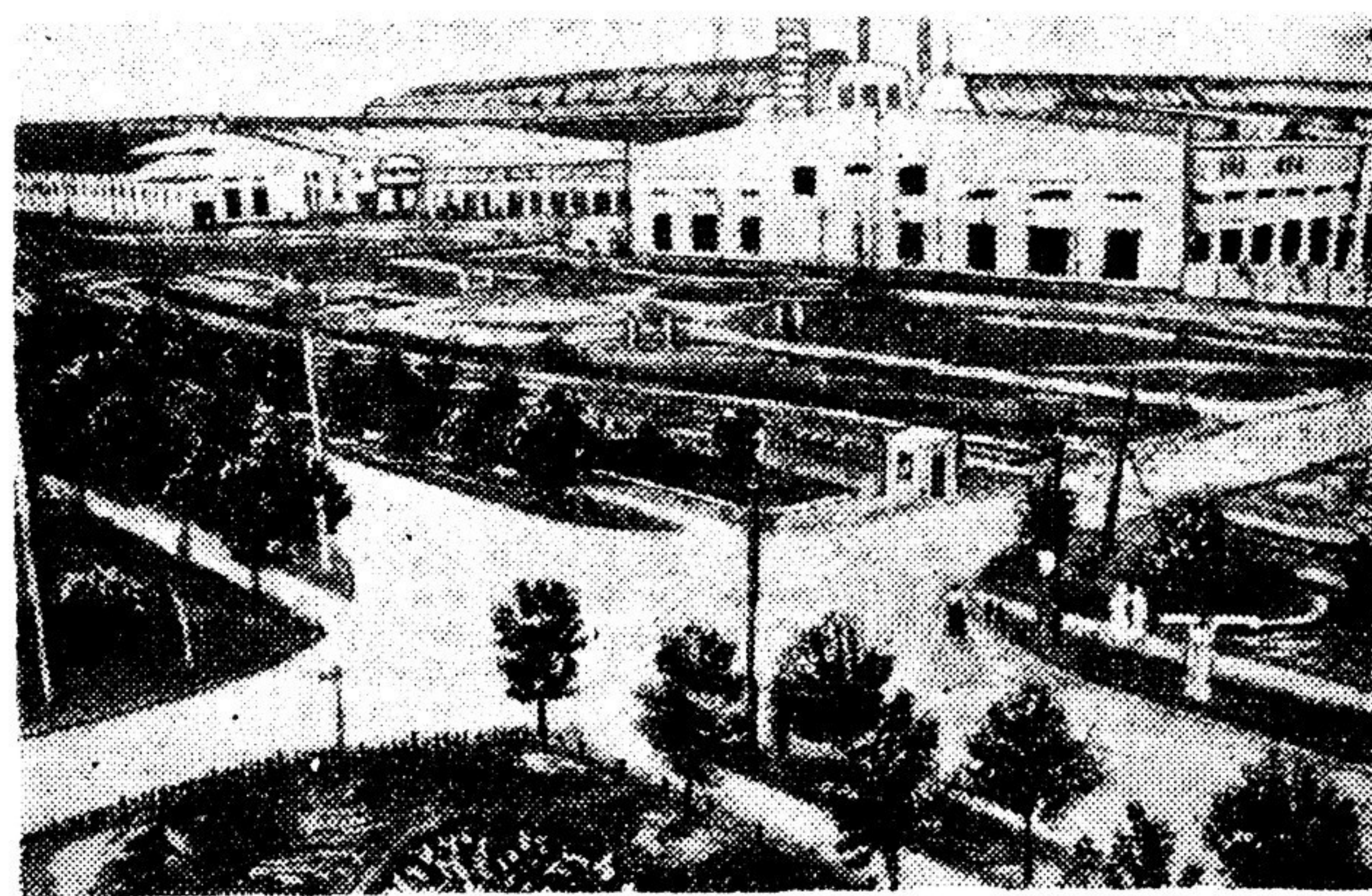
Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

директора т. Кириллина, от секретаря парткома т. Владимира Шевченко наказ, — жаловались они нам, что советский писатель не влож в Краматорский завод. Несколько раз они приглашали, — не идет писатель на этот завод, чтобы в художественной форме повелать всему пролетариату и колхозникам СССР об этой великолепной победе социализма в Донбассе.

Вы, Алексей Максимович, не сможете ли командировать сюда хороших писателей? Мы свои собственными подписями ручаемся, что эта поездка и пребывание на заводе не будет потерянным временем. Какая золотая гора материала приготовлена для вас на заводе! И встретит вас хорошо, есть хорошая гостиница, поездка идет часто. Мы уже о вашем приезде позаботились, чтобы вам было так удобно и хорошо.

Вот бы тебе, товарищ Михаил Шолохов, с'езахить сюда. Писатель ты хороший, умный. Но ты

ОБЩИЙ ВИД СТАЛЕЛИТЕЙНОГО ЦЕХА КРАМАТОРСКОГО ЗАВОДА

все больше у нас по крестьянской части пишешь, хорошо пишешь, читали мы твою «Целину» и «Тихий Дон» с интересом. А вот теперь дай-ка своего донецкого или доносского крестьянина, поставь-ка его за «шпиф де фрезом», да затем тебе ставить, он уже и так там стоит и ждет тебя, когда ты «Поднятую человеческую целину» начнешь писать.

Двое из нас слышали тебя на съезде в Доме союзов, у тебя и выговор-то ихний, до-шекий...

Мы бы тебе для начала материальничку дали. О новых людях...

Вот директор завода т. Иван Тарасович Кириллин. До революции был беспартийным, бродяжничал, потом самоучкой на шахте, добрался до электрика,штейнера, те-перь—инженер и мировым заводом заправляет. И вот этот директор получает недав-но письмо из Ленинграда, от одного вора, участника «мокрых дел», разбоя и пр.

Он прочитал в «Правде» про Крамзавод и пишет Кириллину письмо: так, мол, и так, вот я есть какой человек, все мое поганое, амжеванное нутро наизнанку пере-дам выворочиваю, хочу приехать на ваш завод, может, новым человеком стану.

Иван Тарасович отвечает: «Валий. Приезжай». Деньг даже на дорогу посылал. За-является этот аллахур на завод, как походил да посмотрел:

— Эх,—говорит,—и все это без меня построено. И жизнь новая без меня создана!.. Обидно, значит, ему стало.

Ну поучился, стал работать. Ударник. По тут с ним казус случился. Краматор-ская милиция ни в какую паспорт не дает. Звонит им Иван Тарасович: «Руча-юсь за него. Дайте хоть какое ни на есть временное удостоверение, какой-нибудь вид, что он все ж таки человек».

И вышло, что завод-то ему вид вернул человеческий, а милиция запоздала с утвер-ждением его. Ну все ж таки выдала ему временное удостоверение. Жия, мол...

А вот еще материал. Был на заводе один инженер, что-то у него не ладилось, и выходит—ему с завода уходит. Да, штука сказать, уйти с такого красавца завода. Идет он к директору:

— Лучше вырвать мое сердце из груди, чем меня с завода.

Вот так-то. И это не для красного словца сказано, как актер в театре удит себя кулаком по груди и орет: «Выберите сердце, но не отказывайте в любви». Нет. У ин-женера это ораванный самим заводом (красотой его цехов, порядком, высотой тех-нической и обиней культурой) крик души человека, болящегося, что его лишат всего этого.

Инженер этот остался, выправился, в «Правде» даже его портрет напечатали.

Мы не можем себе представить человека (если все в его голове в порядке), кото-рый бы сам по своей воле, покинул этот завод.

Старые рабочие, большевики-политвики, приходили на завод с административ-ных и хозяйственных постов и просили поставить их в станки—умнейшим, уче-нейшим станкам, управлять которыми они, очевидно, считают для себя почетом.

Вот каких героев для ваших произведений можете найти вы здесь. Чтобы вы нас хорошо поняли, скажем, что мы требуем не описания завода, не газетных статей (они, конечно, тоже нужны), а больших художественных произведений, чтобы народ прочи-тал и был так же вволнован и воодушевлен, как мы. Наша делегатка Майорова плакала в жизни всего три раза: в 21-м году, когда мать умерла, в 25-м г., когда муж помер, и в 24-м г., когда Ленин умер. А тут на Крамзаводе не выдержала: за-плакала в четвертый раз.

— Не даром,—говорит,—мы на пресненских баррикадах кровь проливали в 1905 г. И плачет, и изнывается перед нами за свои слезы, и как бы обдает их:

— Да я не с горя. От радости я. Не горькая, а сладкая у меня сегодня слеза идет...

А она у нас не на плаксивых. Выдержанная. Можете у Полозова и Нюры Северья-новой узнать.

Так вот, хотим мы такого романа, чтобы за сердце хватал, чтобы дал художествен-ные образы, красивые и мощные, как памятник. Чтобы Иван Тарасович стал таким же художественным типом, как у Пушкина Евгений Онегин, у Гоголя, у Толстого — князь Волконский. Простите за эти сравнения.

Наши герои из другого колхозника скроены.

Рис М. Абрамовича

Пусть в этом романе, как стрела, пронжет великая мысль Сталина: «Мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйст-венников были направлены в сторону превра-щения нашей страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоя-тельности нашей страны».

Это должно быть смелым произведением, бле-нущим красками. Не фотография — «спокойно, снимаю», а живописная картина, изображающая завод и его людей в их росте, в бурных темпах, в соревновании и ударничестве, и не обязательно стеснять вас непременно условиями. Может быть, вы захотите дать не фотографию Кири-лова, а какой-нибудь обобщенный образ. Ну что же. Коужу на самом деле был Коужток, и все читатели советские прекрасно знают, что Коуж это именно Коужток. А может быть, вы захотите дать коллективный труд по типу Беломорского канала. Мы не ставим никаких рамок.

Вот и все. Мы спрашивали в Краматорске: — Ну чем отблагодарить вас за то, что вы построили такой великолепный завод, за оборудование, которое вы делаете для метро, за угледрозомочные мельницы для ста-линградского ГРЭС.

Нам все говорили:

— Добейтесь, чтобы наша работа и завод были бы достойно отражены в художе-ственной литературе, чтобы накопленный нами материал был освоен мастерами пера.

Ну что же, товарищи писатели, по рукам, что ли? Если поедете, дайте телеграмм «Краматорск, Сталинский завод, секретарю парткома Владимиру Шевченко».

Принет вам, дорогой Алексей Максимович, и вам, товарищи писатели великой ветской отчизны!

Ждем вашего отклика. Не поедете нас, москвичей, перед Краматорском!

МОСКОВСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ДОНБАСС

Кириллин Фролов, Третьяков, Шестяков, Бордюк, Лукин, Майорова, Н. Савинич

3. Б.

Показ городов — творческая задача советских писателей

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОСКВА

У нас уже есть опыт коллективной работы над созданием книг, но в данном случае — совершенно правильно подчеркнул это обстоятельство тов. Щербанов 13 октября на совеща-нии в Союзе писателей — речь идет о книге «необычной»: если автором сборника о Беломорском канале явля-ется лишь группа писателей, а о сла-вения человека — являть участники этой эпопеи, то есть группы, в известной мере однородные по своему составу, то книгу о социалистической Москве к перевыборам Советов долж-на будет написать коллектив, об-единяющий людей самых разнообраз-ных профессий и положений: депута-тов Моссовета, писателей, архитекто-ров, ученых, хозяйственников, луч-ших ударников московских предпри-ятий и т. д.

При отсутствии четкого плана это может привести к созданию труда, от-личающегося большой нестройной, от-сутствием органичности, единства всех его частей. Кроме того весьма реальной является опасность «засу-шить» книгу, испустить в информацион-но-протокольный тон вместо того, что-бы дать стройную художественную картину роста красной столицы.

Вот почему столь необходимыми яв-ляется участие в этой работе квали-фицированных мастеров слова.

Проект плана, представляющий со-щественный материал для создания «Со-циалистической Москвы» и обоснова-нный редактором книги т. Новиковым, в общих своих чертах не встретил воз-ражения со стороны писателей, уча-ствовавших в его обсуждении (М. Ша-гинин, Е. Габрилович, К. Финн, Ш. Сослан, П. Романов, Г. Серебря-нова, М. Колосов, А. Адалис, А. Сви-рнев, И. Лежнев, К. Зеленинский и др.). Споры шли в основном по вопросу о принципах подачи материала, о ме-тодах разрешения тех задач, которые обрели ставит перед его участниками. Очень немногие оказались сторон-никами, как удачно выразился один из ораторов, «эмпирического назнани-вания» фактов различного порядка. Большинство высказалось за художе-ственное обобщение, за воспроизведе-ние основных типичных процессов, характеризующих новую Москву.

По размерам своим книга «Социа-листическая Москва» будет довольно объемистой — 400 страниц. Большое место займут в ней фотографии, ри-сунки, снимки и шаржи. О тематиче-ском охвате книги свидетельствует уже одно название составляющих ее 15 глав: «Москва депутатская», «Наш дом» (художественная анкета о быте жильцов в доме, где живет один из героев Советского союза, очерк о конкурсе на лучшее управ-ление домом, очерк об архитекту-рном оформлении домов Москвы, справочный материал о росте жи-лищного строительства и жилищ-ном фонде Москвы), «Община, ста-нция, центр» (коллективный рассказ старых рабочих о старой и новой Дан-гауровке, художественный очерк

«Дангауровка с самолета», обобщен-ные сведения о перестройке моск-овских окраин), «Советский ученый» (публицистический фельетон о стар-ых и молодых советских ученых, об ученых — бывших рабочих, об Ака-демии наук в Москве, о Всесоюзном институте экспериментальной меди-цины, о новых научных учреждениях, возникших при советской власти и т. д.), «Московский метрополитен» (очерк о героях Метростроя и роли М. М. Моссовета и т. Кагановича в по-стройке метрополитена, рассказы, стихи, статьи об архитектуре метро), «Поезд по пропавшей улице» (худо-жественные очерки, рассказы, статьи, воссоздающие историю превраще-ния Охотного ряда в Ленинский про-спект), — затем главы «Индустриаль-ные гиганты Москвы», «В семье ра-бочего», «Наша молодежь», «Наша реформа», «Культура масс», «Москва-река» и т. д.

В сборнике будут помещены статьи, фельетоны и очерки: Д. Заславского «Городская дума» (историко-полити-ческий обзор), М. Кольцова «Мер го-рода» (биографический очерк о пред-седателе Моссовета Булганине), Про-филева — очерк о заводнящих стра-ноутвердителях, Тулопова — очерк о «НАИ».

Работа по созданию книги «Социа-листическая Москва» будет разверну-та ударными темпами. Нет никакого сомнения в том, что выходящая тов. Кагановичем и МК партия задача о выпуске этой книги в середине де-кабря будет реализована.

Тов. МАЙОРОВА — ударница Трехгорки.

Тов. ФРОЛОВ — ударник тульского завода.

СУДЬБА ЛЕРМОНТОВА

И
Не будет преувеличением сказать, что Лермонтов умер, едва успев родиться, — умереть для писателя двадцати семи лет от роду в сущности означает только еще стоять на пороге настоящего творчества. Правда, бываю редкие исключения, когда иной, начав юностью, юностью и кончат, но Лермонтов по всем приметам был не таков: «уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания эрмита, — вспоминает Белинский; он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию — три романа из трех эпох жизни русского общества (век Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру куперовской тетралогии». Не знаем, точно ли исполнил бы Лермонтов это обещание, но последние его стихотворения и «Герой нашего времени» уже свидетельствуют о законченном художественном мастерстве, о новых путях в русской литературе, по которым другие пошны вслед за ним. Как поэт он сложился и начал расти в ту эпоху, которую принято называть «безвременьем». Погиб Пушкин, медленно умирая Гоголь, но уже задало до их конца Лермонтов написал поэму «Ангел смерти» (1831), где были такие строки:

Любил он ночь, свободу, горы,
И все в природе... и людей...
Но избегал их. С ранних дней
К прерванью привыч он взору.

Сказуемый взгляд конюха кавалерийского учителя, прозванного в товарищеской среде «Машкой», ничего «благословить не хотел». Он скакал так же, как впоследствии скакал и его герой Печорин: «Не имею слишком большого влечения к обществу, — пишет он Лопухиной в 1832 г. — Наполео. Все люди — такая тоска, хотя бы черти для смеха попадались». «Пишу мало, читаю не более; мой роман сплошное отчаяние (кн. Липовская). Я пережил всю свою душу, чтобы добыть из нее все, что только способно обратиться в ненависть, и в беспорядке извлек все это на бумагу. Читая, вы бы пожалели меня» (кн. Лопухиной от 28 августа, 1832 г.).

Так рано началось «разочарование», которое стало основным мотивом его творчества, так рано началось «прервание» и «ненависть», закончившиеся дуэлью и смертью. Лермонтов играл с жизнью и драматичную смерть, и самая его биография, которую мы в сущности знаем очень мало, поражает одной странной чертой. Он действительно отшельник, мало связанный даже с тем высшим кругом, к которому принадлежал по своему происхождению. У него нет ни настоящих друзей, ни тех близких и легких связей с людьми, которые отличают биографию Пушкина. Две-три коротких письма — вот все, что осталось от его отношений с «обществом». И самый дворянский быт, и его культура он ощущал уже иронически, «не любил» ни того, ни другого. Отсюда депрессивность, чувство габели, проницающее его творчество, откуда же та же самая лермонтовская скука. В таком положении бывает только два выхода: сла-

бая индивидуальность кончат неадекватными стонами, слышатся надперекор судьбе. Индивидуализм стал для Лермонтова источником жизни и смерти. Огромная сопоставительная среда выражалась и в байронических стихах, и в дуэлях, и в лирике налетах с шайкой головорезов на чеченские аулы. Не же Лермонтов переплывал в стальную мускулатуру стиха, напоминая тигра, готового совершить прыжок:

О чем писать...
Бывают тоскотные ночи,
Без сна горят и плачут очи,
На сердце жадная тоска;
И как-то весело и больно
Тревожить язы старых ран...
Тогда пишу, думает совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Прилечь скрашенным порою
Я смею предаю позору,
Неумолим я и жесток.

II
Само собой разумеется, творчество Лермонтова должно было идти по пути чистой лирики. Те этические замислы, о которых говорит Белинский, для него были делом более или менее далекого будущего, но его лирика пронизана таким огнем, такой действительностью, которая испепеляет все окружающее.

Она не могла насытиться собственным горением и, как пожар, распространялась все дальше и дальше, захватывая историю, жизнь, судьбу. Рядом с «Мцырлями» вырастает «Валерик», рядом с таким стихотворением, как «Выхожу один я на дорогу», «И скучно и грустно» — «На смерть поэта», «Дума», «Последнее новелле», «Пророк». Постепенно его лирика насыщается грозой и силой каких-то трагических событий, и мы ясно чувствуем в ней «апокалипсическую» историю. Вспоминаются слова Льва Толстого: «Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имеющий. У него нет шуточек, — презрительно и с ударением сказал Толстой, — шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего». Действительно, Лермонтов был лачат в поэзии новый период, когда окончили «шуточки», которыми иногда грешил еще Пушкин. Здесь речь идет, конечно, не о «шуточках» темах, их у Лермонтова достаточно, а о первоначальной и суровой силе слова, закончившейся дуэлью и смертью. Лермонтов играл с жизнью и драматичную смерть, и самая его биография, которую мы в сущности знаем очень мало, поражает одной странной чертой. Он действительно отшельник, мало связанный даже с тем высшим кругом, к которому принадлежал по своему происхождению. У него нет ни настоящих друзей, ни тех близких и легких связей с людьми, которые отличают биографию Пушкина. Две-три коротких письма — вот все, что осталось от его отношений с «обществом». И самый дворянский быт, и его культура он ощущал уже иронически, «не любил» ни того, ни другого. Отсюда депрессивность, чувство габели, проницающее его творчество, откуда же та же самая лермонтовская скука. В таком положении бывает только два выхода: сла-

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ
Автопортрет. (1837 год).

бо глубокую самоубийственную силу поэзии, он мог сказать:
Нет, я не Байрон, я другой —
Еще неведомый избранник.

III
Поэзия и проза в творчестве Лермонтова совершенно естественно растут из одного источника, а на весах истории литературы (редкий случай) разновесны. Этот источник все тот же — эгоцентризм, или, если пользоваться термином Стендаля, эгоизм. Современники остро чувствовали эту особенность его творчества, отсюда постоянные отождествления Лермонтова с Печориным, отождествления, внесшие столько путаницы. Белинский писал: «Печорин — это он сам, как есть». Между тем биографическое сходство или сходство характеров или поступков нас интересует в малой степени. Гораздо важнее отметить, что лермонтовский «эгоцентризм» стал источником нового творческого видения реальности. Он должен был привести и привел не к созданию статического образа, замкнутого в тех или иных чертах сложившейся индивидуальности, а образа живящего, противоречивого, еще не решившего своей задачи. Отсюда — эпитеты, дневники — основная форма, выбранная для «Героя нашего времени». Эта небольшая прерывистая повесть поразительно именно тем, что она не только построена на динамике чувств и страстей, душевные мотивы, движущие поступки Печорина, могли быть случайными и временными, быть могут глубоко навязаны, но если «Герой нашего времени» не «устареет», то конечно, не из-за проблематической загадочности героя. Гораздо важнее то, что Лермонтов определял свою задачу как «историю души человеческой». В этом и заключалась литературная новизна «Героя нашего времени» и его значение для будущего. После Лермонтова нельзя было создавать характер иначе чем во всей сложности и противоречивости душевной жизни. И если читатель во времени появления «Героя нашего времени» был достаточно подготовлен, чтобы угадать в смысле статистическом те же самые принципы прозы, которые были заложены Пушкиным, то все же он в первый раз читал русский роман, основанный на аналитическом раскрытии личности героя. Проза Пушкина построена на зам-

кнутой пластике характеров, проза Лермонтова — на их раскрытии. Каково же было ее значение для будущей русской литературы? Мы уже приводили слова Толстого, описывавшего свою глубокую связь с Лермонтовым. Нужно привести и конец его высказывания. «Тургенев — литератор, — дальше говорил Толстой. — Пушкин был тоже им, Гончаров еще больше литератор, чем Тургенев, Лермонтов и я — не литераторы». Так Толстой определял сущность своей и лермонтовской манеры, пространный на передаче непосредственного жизненного и душевного опыта. Влияние Лермонтова на будущий русский роман и рассказ было бы гораздо более широким и значительным, если бы не своеобразия Печорина, от которого трудно было вести «родовую» преемственность. Правда, направляется сближение Старожила и Печорина, равно как и некоторых других мотивов у Достоевского, но эта преемственность — слишком специфическая. Гораздо важнее общее значение лермонтовской прозы, которая, так сказать, растворилась и стала неизбежной для будущего.

Лермонтов поэт и Лермонтов прозаик одинаково пережили свою эпоху. Что же осталось? Несколько десятков стихотворений, совершенных по форме, окруженных несовершенными монументальными опытами, маленькими томик прозы, тоже в каком-то смысле «единичный», и тем не менее не умирающий. Тут же «байронизм», сокровенные годы, зовущие Кавказ, потрясающая по своей скоротечности и трагичности жизнь. Но судьба поэта, повидному, не определяется ни количеством его книг, ни длительностью его жизни. Есть что-то значительное в судьбе Лермонтова именно потому, что она так насыщена общечеловеческим, страстным и трагическим, таковы же были источники его вдохновения, всегда вырывающиеся Лермонтова из условий общественной жизни. Глубокое единство жизненного и творческого пути — таков один из его заветов, оставленный русской поэзии, и, естественно, теперь особенно значительный для нас.

КОЛЬЦОВ И МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ

Народное песенное творчество оказало огромное влияние на поэзию Кольцова. Больше, чем кто-либо из русских поэтов, он связан с фольклором. В годы расцвета своей поэтической деятельности Кольцов говорил: «Я привык собирать русские народные песни пристально». Он был исключительно наблюдателем, и если бы ему удалось составить собрание русских песен, мы знали бы гораздо лучше стихию народного песенного творчества, чем знаем ее теперь из записей дворянских собирателей, дававших зачастую тексты, бывавшие в помещичьих хорах, т. е. в какой-то мере цензурованные.

Песни Кольцова органически связаны с фольклором, но было бы ошибкой думать, что он предшественник в литературе XVIII и XIX вв. Без работ Мережковского, Цыганова, Неллинского-Милославского, Дельвига и многих других поэтов, подготовивших расцвет реалистической песни, было бы невозможно появление Кольцова. Кольцов не был поэтом, выросшим только на фольклоре, как пытаются утверждать теперь некоторые исследователи.

Пушкин дал высший — недостижимый для нас — образец синтеза народного песенного творчества с величайшими достижениями мировой поэтической культуры. Вслед за Пушкиным Кольцов шел по этому пути. Ему было гораздо труднее, чем Пушкину, овладеть культурой. Он был одним из тех замкнутых самоучек, вышедших из народных низов, которым по праву гордится русская литература. Наши молодые поэты зачастую пытаются оправдать свое невежество ссылками на пролетарское происхождение. У самоучки Кольцова больше, чем у других классиков, можно учиться тому, как следует овладеть культурой. Нельзя без волнения перечитывать сейчас его письма — потрясающие свидетельства борьбы с косным и диким миром окружающей действительности. В среде наших поэтов процветает еще констатация философской неграмотности, пренебрежительное отношение к вопросам мировоззрения. В дни РАИП, когда пролетарская поэзия в литературном материализме и диалектике, многие сводили дело к научному двух-трех формулировок. Философией, естественными науками, историей интересовались не многие наши поэты. Нужно ли доказывать, что это отражается на их творчестве?

Кольцов стремился к высотам культуры. «Нет голоса в душе быть купцом», — писал он Белинскому, — а все мне говорит душа день и ночь, хочет бросить все занятия торговлей и сесть в гору читать, учиться. Мне бы хотелось теперь сначала изучить хорошенько свою русскую историю, потом выучиться по-немецки, читать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, прочесть астрономию, географию, ботанику, физиологию, зоологию, библию, евангелие и потом тогда да поехать по России».

Он многому учился — чтение обогащало его знаниями, и если в первый свой приезд в столицу Кольцов, по его словам, «разрывал молчалиника» — боялся высказывать

свои мысли, чтобы не показаться невежественным провинциалом, естественно затесавшимся в среду переломных и образованных людей, то впоследствии «я с важными учеными людьми толкую, спорю, пускаюсь в суждения и убеждаю их в своем мнении». И действительно, рассуждения Кольцова о «Гамлете» в исповедни Молчанова и Карагизина, «настоящая точка умозрения» в опере «Жизнь за царя», объединяющая его с Бакунным, показывают богатый, разносторонний ум, развитый упорной работой.

Личность Белинского оказала громадное влияние на Кольцова. Белинский был прежде всего учителем поэта. «Белин об одном, — писал в 1838 г. Кольцов, — что нельзя было жить еще месяц с вами; тот же месяц один еще, а то есть еще кое-какие вопросы темные. Я покаялся субъект и объект хорошо, но не понимаю, как в философии, поэзии, истории они соединяются до абсолютного. Однако влияние Белинского свелось не только к тому, что Кольцов вошел в круг умственных интересов передовых литераторов своего времени и вместе с ними пережил увлечение немецкой идеалистической философией. В творчестве Кольцова наряду с поэзией есть «Думы». В «Думах» отражены понятия Кольцова поэтически выразить сущность своего мировоззрения. «Думы» это не лирико-философские документы поэта, а философская лирика. Работая над философской лирикой, Кольцов не изменял строй своего стиха и остается верен тем эстетическим приемам, которые определяли его творчество в целом.

Уместно вспомнить, что философия Гете в значительной мере потому лишена абстрактности и отвлеченности, что соединена с фольклорным, пролетарским сюжетом, с отрывками народных песен и легенд.

Народный песенник и философский лирик — вот две стороны литературной деятельности Кольцова. Направление поэтической поэтики Кольцова показывает, что он шел к синтезу народного языкового творчества и высот современной ему философской мысли. Недаром Кольцов так глубоко чувствует философскую поэзию Веневитинова, который, по словам Кольцова

...как юный лебедь веневитиновский
Средь волн, тоскуя, песню сплыв
Едва начал — и стих средь юных лет.

Недаром на рубеже нового столетия значительный русский символист, талантливый поэт Иван Ковневский, в поисках образов философской поэзии в России обращается к «Думам» Кольцова и восторженно говорит об этих стихах.

Огромное влияние Кольцова на народное языковое творчество. Велико его влияние и на русскую поэзию. Прекрасный знаток языка, Кольцов, небоязливо философизировал и иронизировал стихи «простонародных» реченин, показывая нам классические примеры работы над словом. Он не вносит в поэзию диалектизмы, но умеет благодаря тонкой отделе фразы и вводу ярких языковых деталей достигать полной силы реали-

А. В. КОЛЬЦОВ.

стического изображения. Вспомни среди множества поэтических в этом отношении примеров вариант одного стихотворения:

Молодая жена
Разносила гостям
Чашу радостей —

написал Кольцов в одном из первых вариантов «Крестовничих парусов». Абстрактная «чаша радостей» заменена в окончательной редакции «чашей горького», и этот мастерский штрих дает исключительное эмоциональное усиление.

Судьба литературного наследия Кольцова представляет исключительный интерес. Несомненно большое влияние, оказанное Кольцовым на творчество Некрасова. Кулацкая поэзия пыталась канонизировать Кольцова как поэта деревенского патриархального уклада. Поэзия Кольцова, действительно, чужда революционных мотивов, но мы берем в ней ее передовые, ведущие черты, памяные в то же время ограниченность реализма Кольцова.

Кольцов был жертвой трагического разлада с действительностью, с революционной Россией. Мне кажется, что стихотворение «Умолкший поэт» дает автобиографическую характеристику жизненного пути Кольцова:

...очарован утром,
Облаченный поветром,
Одетый вечерним
Туманом и тенью
Затраченной жизни, —
Глядит равнодушно
Безмолвный поэт.
Ты думаешь: пил он?
Нет, ты не заметил
Высокую думу,
Огонь благородный
Во взоре его...

Первоначальные варианты этого стихотворения, в которых говорится об «унылом прервении», подчеркивают его автобиографичность.

Наследие Кольцова имеет громадное значение для советской поэзии. Его личность и его поэзия заслуживают внимания наших молодых поэтов: для многих Кольцов может стать превосходной школой.

В борьбе за высокую культуру писателя нельзя обойтись без учета жизненного опыта Кольцова. Кольцову, более чем кому бы то ни было связанному с народным творчеством, чужда самолюбивая ограниченность кулацких поэтов, чужды их «городской культуры» и тем самым сопротивляющиеся классовому наступлению пролетариата. Формальное освоение поэзии Кольцова, ее богатая ритмика, ее метрическая строфика, ее оригинальные синтаксические узоры, что формальные поиски приводят к значительным достижениям только в том случае, если экспериментаторство основывается на глубоком проникновении в законы языка, в существо процессов языкового творчества масс.

Философская поэзия Кольцова наряду с другими произведениями русских и западных поэтов-классиков оказывает существенное влияние на формирование поэзии мировоззрения, потребность в которой как методическое средство художественного синтеза с такой силой ощущается в наше время новыми поколениями пролетарской интеллигенции.

СЮЖЕТ И ОБРАЗ

К теории очерка и романа

В. ШКЛОВСКИЙ

В Ясной Поляне жил неспокойный, неудовлетворенный, встревоженный человек.
Казалось бы, чего проще. Писатель пишет хорошо.
Но Лев Николаевич не был доволен старым «хорошо».
«А техника теперь должна до unbelievable мастерства. Как-нибудь Лухманов или Л. так пишет, что просто удивление; или же Тургенев или же, она нам сорок очков вперед даст» (А. В. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», стр. 88).
Он не мог работать так, как работал кругом.
«Все старые приемы уже так избиты. Я больше не могу читать. Когда я читаю: «Было раньше утро...», я больше не могу, мне хочется спать. Больше нельзя описывать природу. Но вот в чем беда: они меняют внешность, а внутри ничего нет. Так это и во всех искусствах».
Толстой знал, что каждый большой художник должен создавать свои формы. Если содержание художественных произведений может быть так бесконечно разнообразно, то какой бы должна быть и их форма».
Сам Толстой имел выработанную форму, свой словарь, свой метод познания вещей.
Он почти никогда не сравнивал. Вернее, он сравнивал предметы только с предметом же. Он говорил, что этот человек — как и все люди такого типа, или этот поступок — как все поступки такого же вида. Он выделял вещь, типизировал ее на конкретном объекте и давал в то же время фон этой вещи как вещь вообще.
Толстой почти никогда не описывал. В «Хаджи Мурате» Толстой в 1866 г. использовал вымышленный прежде для него прием.
«Хаджи Мурат» дано сложное сравнение героини-татарки с кустом чертополоха. Само сравнение не ново, это обычное сравнение человека

со срубленным деревом, но оно развернуто и оцеловано. Толстой пишет: «Он (цветок) был так страшно крепок, что и близка к ним жгуту по-одному разрывая волокна». И дальше: «Как он усиленно зашился и дорого продавал свои яйца».
Потом Толстой возвращается к его му же цветку в конце прогулки. Колесо телеги раздавило цветок.
«Но (он) все-таки стоял, точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выколеди глазу».
Этот прием для Толстого новый и созданный, вероятно, под влиянием тех модернистов, с которыми он спорил.
Обычно Толстой отождествлял с таким вещам вращаемо. Раз Толстой спорил с Горьким. Спор шел о знаменитом месте. Это место было как будто манифестом, новой манерой письма. Вот оно, данное в сокращениях.
Образом внимания на то, что здесь дано полное описательное предмета, и этот прием развернут в целую лиану. Мор имеет атрибуты человека. Ветер и море сведены в человеческих отношениях.
«Море смеялось. Под легким дуновением алой ветры оно вдрогивало и покрывалось мелкой рябью, ослепительно ярко отражаясь солнцем, улыбаясь голубому небу тысячами серебряных улыбок».
Солнце было счастливо тем, что светило; море — тем, что отражало его ликующийся свет. Ветер стал атласную грядку моря, солнце грело ее своими горячими лучами, и море, драматично выходя под нежной рукой этих лучей, выспало жаркий восток солнца, ослепительно восточный восток, улыбаясь голубому небу тысячами серебряных улыбок.
Это описание было тогда остро, его пародировали, о нем спорили.
Горький говорил о нем с Толстым сам, говорил довольно сдержанно. И. Н. сказал:
«Большой, очень существенный недостаток Горького — слабо развитое чувство меры, а это чрезвычайно

важно. Я указывал самому Горькому на этот недостаток и как на пример обратил его внимание на злоупотребление приемом описания неодушевленных предметов. Тогда Горький сказал мне, что, по его мнению, это прием хороший, и указал на пример на рассказ «Мальва», где сказано: «Море смеялось». И ему возражал, что если в некоторых случаях этот прием может быть и очень удачным, тем не менее злоупотреблять им не следует» (А. В. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», т. I, стр. 31, М. 1925).
В разговорах с третьими лицами Толстой был речат. Вот что он сказал Поссе:
«Нет, описывать природу Горький не умеет. «Море смеялось», «небо плакало» и т. д. — все это ни к чему. Не следует смешивать явления природы с проявлениями человеческой души».
— Но ведь именно это смешение, — возражал я, — и лежит в основе всей народной поэзии.
Толстой на минуту задумался. Но затем решительно сказал:
— Тогда это было нужно, а теперь не нужно...
Это особенно любопытно читать сейчас, когда А. М. Горький выдвинул вопрос о народной поэзии.
Лев Николаевич был не прав, хотя бы потому, что сам, конечно, не будучи подражателем, он в этот момент описывал и строил вещь для себя волею. В «Кусте татарника» есть отрубленная рука, у него вырвали кусок тела, вывернули внутренности, выколеди глазу. Как-то силы каменья литературной манеры писателя, самых различных.
Дело шло не только об изменении образа. Образ и само словопонимание, словесный рисунок изменялся. Изменился свет.
В этот момент, где жил и сомневался Лев Николаевич Толстой, окруженный людьми, которые старались

что нехорошо. Нехорошо сравнения, описания того, чего не мог видеть автор, а главное, дедуктивное манера приписывать сознательность неодушевленным предметам. Описание тогда хорошие и действуют на читателя, когда читатель слышит душу по описываемым, а это бывает только тогда, когда описываемые впечатления и чувства читающий может перенести на себя. Не употребляйте и не берите в писании за образец новизна, а Пушкина и Гоголя. 14 января 1910 г. Ясная Поляна» (там же, стр. 397 и 398).
Краснов Горькому Толстой не прости. Он тогда знал, что была те модели, под влиянием которых писал человек, который должен был бы быть его учеником.
Людям близки к Толстому, но приходя не такими, какими он их знал. Они видели мир не так. Толстой знал о том, что отрицание нового — оклеветание старости. Он говорил сам:
«Горького читал, очень плохо, но, главное, нехорошо то, что мне эта ложная оценка неприятна, надо видеть в нем одно хорошее».
И в другом месте:
«Я постоянно боюсь попасть в роль тех стариков, которые теряют способность ценить настоящее и понимают его» (А. В. Гольденвейзер, стр. 80).
И все же он говорил о Горьком, споря с ним из-за ученика:
«Народный язык, фальшиво до невозможности. Все фальшиво: и описание природы и сравнения. Это у него Краснов выучился... Тут меня поражает отсутствие самокритичности фальшивые впечатления, искусственные сравнения. Где ни распространяю».
И Л. Н. раскрыл книгу, где раскрывалось, и прочел: «Или как смотрели кулацкие вершины берега».
— Ведь не берешь смотреть, а они их видели... (из статьи М. Хорош «Толстой о Горьком», «На литургии».)
Для того чтобы понять возвращая Толстого, дадим теперь анализ Краснова.
Краснов написал «Холмы» как очерк, т. е. в этом произведении нет вымышленной судьбы одного героя. Герой-автор вот так как борется с целью для измерения движения воды. Учится в школе, движению воды при помощи наблюдателя над шепкой. Таким образом, никакого кольцевого построения, которое мы встретим потом у Толстого, попытаться обработать ту же те-

му, мы у Краснова не найдем.
Все описание конкретно, конкретная судьба толпы. Давшие толпы дано сравнение: «Потоки людей безудержно неслись от центра за заставу, словно река катилась с горки, шумная от построй спуску русла». Образы у Краснова — это не сравнение, а система сравнений.
«По временам в толпе возникла какая-то суета и движение и она, как клубок, то накатывалась, то размазывалась, — собиралась в кучки и расплывалась по площадям и улицам».
Вот идет роскошное выделение с реальным кустом, «взвизгивая и выходящей особью». Тогда слышались в клубок, кричит уга — и бежит дождь за кольцом, размазывая на выточке свой клубок».
В этом примере первая часть образа — экспозиция, подготовка, а вторая — реализация.
Чаще образы играют сюжетную роль; переход от образа к образу, автор связывает ими повествование. У Красова есть как будто свет. Образ, подкрепляя определенное смысловое место, делает его как бы героем.
Если сравнение и неважно в старой русской поэзии локальное и характеризуют только определенное место, работают чисто служебно, то в прозе начала века образы пришли на смену частой той роли, которую прежде играло само сюжетное построение.
Василий Краснов, фальшиво до настоящих писателей, он думал место со своим временем, и сама сцена разражения Льва Толстого показывая, что черты своего времени Краснов имел и умел выделять.
Если в сюжетном произведении мы имеем прямое взаимодействие между героями, которые создают сюжетные неравенства и для которых создаются сюжетные неравенства, то в очерковом произведении дается взаимодействие предметов и через взаимодействие отношений.
Посмотрите, как через весь очерк Краснова проходит образ «сороки». Ворона влетает в душ шатунчик. Ворона как расстояние между охотниками углам будок, и ворона как волонтер.
Так же подготовлено все описание катастрофы, прежде всего поле показало еще не вальтизм, без толпы, расползшиеся ям, кусты, столбы с пожелтевшими на них плесневатыми штетками даны два раза: сначала с

точки зрения всеобщего осмотра, а потом даны как орудие уличной толпы и как страшная угроза.
Потти в самом конце очерка Краснов пишет:
«Я видел поле коня, сарай с ботками, карусель, столбы с прилами сверку, — там жили все коварные самовары на термометры, плетившие рубашки и плесовые шаровары колыхались на недоступной высоте».
Дальше идет описание майского утра, далеких сил.
Заметно, что он сумел подготовить драму и развернуть всю повесть о ее. Картина начинается с описания того, как толпа начинает задвигаться. Дад в сокращениях:
«На рассвете наступило жуткое, тоскующее затишье, края все росли и прирелись. — Люди прирелись и прирелись толпой. Они дождались до середины, и толпа полыхалась, глубоко и мерно».
Тем сильнее разгорелся рассвет, тем чаще и глубже становились толпы. Казалось, что земля вздрогнула, а мы перекатывались по ней, как горох по неровному полу. Воздух недвижим — его словно совсем алес нет. А в восходном солнце вытеснялось то-то непонятное... Все смотрело, но не видели, что такое происходит вокруг и идет на них. Чувствовалось, как-то худая, смертельная неволежность. Было тепло, и толпы духота улетала всех и вся».
Так зародилось в толпе освобождение и аверское нетерпение каждого и всей толпы...
И все кругом как-то блекло, прищипало суровым, вальдичным и угрожающим влещем... Толпа расплывалась, теряла оплывленную ослепительность, ослепила. И глухое молчание показало это...
Дальше идет чрезвычайно интересное описание: «В толпете люди загораживали солнце и горнотет, каждому казалось, что он в яме, очень тесной, с сыпучими краями, которые тот-вот засосут его и удушат».
Краснов чрезвычайно точно описывает задвигавшуюся толпу, возвращается к одной и той же картине.
«На сцене думя росло что-то другое, туманное, промолвкое, тяжелое, как пролетные лебры хладобора. Они

Октябрьский влиятель Иезюизма, художник — М. Грамсицкий.

Р. Крюков.

*) Статья целиком идет в «Литературном критике».

УДАЧА МОЛОДОГО НОВЕЛИСТА

Имя В. Ясенева, появившись в печати, сразу же привлекло к себе внимание читателей...

Его книги отличаются большим идейным содержанием, остротой и оригинальностью сюжетных положений...

Показателем творческих возможностей Ясенева является широкий диапазон его тематики. Не ограничиваясь...

При этом творческое внимание писателя устремлено не только на героизацию, но и на верные жизненные явления...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

Иногда автор показывает острые жизненные конфликты, порой трагические по своему характеру. Однако и в этих случаях конфликт разрешается...

„БАРЬЕРЫ“

Книга прочитана. Но где же заволнованность, власть очарования (о которой мечтает каждый писатель)...

Всех этих качеств лишена книга Семена Михайлова — писателя трудного, почти не разработкой, благородной темы о Красной армии...

Несколько лет назад (на заре лозовской деятельности) Семен Михайлов выпустил роман «Бригадная рота» — роман о Красной армии...

В «Барьерах» писатель пытается освободиться от многословия, натурализма, бытовщины, но делает это он несмело.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

Тема, которую взял Михайлов, значительна. Проблема угадал, но не разрешил проблему командира Цветаева, не овладевшего искусством управления массой.

В Чехо-Словакии

По сведениям, полученным ВОРС, поездки чехо-словацких писателей и поэтов на всеюзовский съезд писателей, а также участие театральных деятелей Чехо-Словакии в международном фестивале в Москве вызвали большой отклик чехословацкого общественного мнения.

Недавно в Праге был устроен специальный вечер, посвященный всеюзовскому съезду писателей. С отчетными докладами выступили писатели Гомбейстер, Незвал, Борин, Новомески и Вейсшопф.

Теоретически обстоятельно осветили докладчики проблемы литературы, которые были поставлены писательским съездом. Наибольший успех вызвал на долю редактора газеты «Руде право» (орган компартии Чехо-Словакии) Борина, которому была удостоена овация.

Тяга в СССР

Съезд писателей явился не только живейшим откликом среди зарубежных литераторов, но в огромной мере укрепили и туги их в Советский союз.

В Румынии, в деревне Гривозе, у польской границы арестован чехословацкий писатель Бернгард Курка. Бернгард Курка перешел границу тайком и хотел таким образом перебраться в Советский союз.

Писатель Курка написал несколько романов, имевших успех у публики, но издательства так низко оплачивают литературную работу, что буквально не хватает на жизнь.

Друзья Бернгарда Курки посоветовали ему перебраться в Советский союз, где художник и искусство ценятся весьма высоко.

Продав свой последний роман за пятьсот чешских крон, он оставил семью, а с остальными пустился в дорогу. И вот у самой границы СССР его постигла неудача: он был арестован румынскими властями.

Чрезвычайно тяжело в эти грустные минуты говорить о горячо любимом, бесконечно близком друге. Светлый кристалльный образ Леонида Витальевича навсегда останется в памяти миллионов людей, которых согрели своим чуждым сердцем этот большой, великодушный мастер с лупой ребека и модатовским восприятием жизни.

Искусство и творчество такого громадного художника, являющегося эпохой в истории русской оперы, должны быть предметом всеобщего, тщательного изучения и темой солидной, серьезной монографии.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

14 ОКТЯБРЯ В 5 Ч. 30 М. УТРА В РИГЕ СКОНЧАЛСЯ ОТ РАЗРЫВА СЕРДЦА НАРОДНЫЙ АРТИСТ РЕСПУБЛИКИ Л. В. СОБИНОВ.

Вчера в подпредстве СССР в Риге, куда перевезена труппа Собинова, состоялась гражданская панихида.

Вчера же, в 7 вечера из Москвы и Бигосово выехала специальная делегация в составе т. Алексева, Колосового, Биндлера (ГАБ СССР), Мельцер, Дубинина, Шеглова (оперный театр им. К. С. Станиславского), Императорской, Прудкина (МХАТ СССР им. Горького) и др.

Образована правительственная комиссия по похоронам народного артиста республики Л. В. Собинова. Председателем назначен секретарь ВЦИК т. А. С. ИСИСЕЛЕВ; членами комиссии — зам. наркома просвещения РСФСР т. М. С. ЭПШТЕЙН, председатель ЦК союза Рабочих т. Я. БОЯРСКИЙ, народные артисты республики К. Г. ДЕРЖИНСКИЙ и А. В. НЕЖДАНОВА и заслуженный деятель искусства проф. Н. С. ГОЛОВАНОВ.

Вчера днем в Кремле под председательством т. А. С. ИСИСЕЛЕВА состоялось заседание правительственной комиссии по похоронам народного артиста республики Л. В. Собинова. Обсуждались вопросы встречи праха покойного, порядка похорон, увековечения памяти покойного и пр.

О времени прибытия праха в Прагу покойного и подробном распорядке встречи на вокзале, а также о порядке похорон будет опубликовано дополнительно. (Роста).

Я была 11-летней девочкой, когда впервые услышала приехавшего из гастролей в Киев Леонида Витальевича Собинова. Такое неизгладимое впечатление произвел он на меня, тогда еще ребенка, что до сих пор я не могу без волнения вспомнить об этом глубоком и в моей жизни озарении.

Первая встреча с Собиновым была для меня решающей. Тогда же я решила, что обязательно буду актрисой.

Все, что бы немого знаменит Леонид Витальевича, не могут не вспоминать о нем без чувства безмерной грусти и благодарности.

Н. Г. ДЕРЖИНСКИЙ, Народная артистка республики

Разве можно говорить о Леониде Витальевиче Собинове простыми словами? Разве достаточно сказать о нем — «большой художник», «талантливый артист»? Кажется, что хотя бы раз слышал Собинова, понимаешь, какую огромную художественную силу потеряли мы.

В последний раз я видел Леонида Витальевича перед моим отъездом на Дальний Восток. Он очень сочувственно отнесся к моему решению поехать с бригадой Большого театра, говорил, что это хорошее, нужное дело.

Н. С. ХАНАЕВ, Заслуженный артист республики

Чрезвычайно тяжело в эти грустные минуты говорить о горячо любимом, бесконечно близком друге. Светлый кристалльный образ Леонида Витальевича навсегда останется в памяти миллионов людей, которых согрели своим чуждым сердцем этот большой, великодушный мастер с лупой ребека и модатовским восприятием жизни.

Искусство и творчество такого громадного художника, являющегося эпохой в истории русской оперы, должны быть предметом всеобщего, тщательного изучения и темой солидной, серьезной монографии.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Ушел от нас чудесный Орфей, и скучно будет всем без его пленительно-иной мажорной серебряной лиры.

Крупнейший артист

14 октября в Москве распространилась печальная весть о кончине крупнейшего советского оперного артиста Леонида Витальевича Собинова.

Леонид Витальевич Собинов умер сравнительно не старым человеком. На пути оперного артиста он вступил в 1897 г. В этом году Собинов был принят на оперу Большого театра после удачного дебюта в роли Сигизмунда (Демон) Рубинштейна.

Человек очень высокой культуры, Собинов принес с собой в театр дисциплинированную волю, максимум художественной продуктивности. С первых же шагов своего исполнительства Собинов достиг необычайных успехов.

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

Вспомним любимые им роли Ленского («Евгений Онегин»), де Грисе («Манон»), Лоэнгринга в одноименной опере Вагнера. Как ни объявлял был голос Собинова, но он никогда не смотрел на оперные выступления как на концерт в костюме. Можно ли представить себе более убедительное воплощение эпохи-поэта — Ленского, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым? Можно ли указать во всем мировом искусстве более светлый во всем блеске эпохи-поэта, чем данное Собиновым?

ПРОЕКТ ТЕАТРА ОПЕРЫ В СВЕРДЛОВСКЕ

Президиум свердловского облисполкома окончательно утвердил проект большого свердловского оперного театра работы архитектора Фридриха.

Новый оперный театр будет крупнейшим зданием в Свердловске, одним из лучших театров Союза. Здание выстроит в 49 метров займет целый квартал. Зрительный зал сможет вместить одновременно свыше 3 000 чел.

Сцена нового театра будет четверть больше сцены нынешнего театра им. Луначарского. Механическая перестановка площадок в антракте займет не более 5 мин.

Стоимость строительства театра оперы определена в сумме свыше 20 млн. руб. (Роста).

Президиум свердловского облисполкома окончательно утвердил проект большого свердловского оперного театра работы архитектора Фридриха.

Новый оперный театр будет крупнейшим зданием в Свердловске, одним из лучших театров Союза. Здание выстроит в 49 метров займет целый квартал. Зрительный зал сможет вместить одновременно свыше 3 000 чел.

Сцена нового театра будет четверть больше сцены нынешнего театра им. Луначарского. Механическая перестановка площадок в антракте займет не более 5 мин.

Стоимость строительства театра оперы определена в сумме свыше 20 млн. руб. (Роста).

Президиум свердловского облисполкома окончательно утвердил проект большого свердловского оперного театра работы архитектора Фридриха.

Новый оперный театр будет крупнейшим зданием в Свердловске, одним из лучших театров Союза. Здание выстроит в 49 метров займет целый квартал. Зрительный зал сможет вместить одновременно свыше 3 000 чел.

Сцена нового театра будет четверть больше сцены нынешнего театра им. Луначарского. Механическая перестановка площадок в антракте займет не более 5 мин.

Стоимость строительства театра оперы определена в сумме свыше 20 млн. руб. (Роста).

Президиум свердловского облисполкома окончательно утвердил проект большого свердловского оперного театра работы архитектора Фридриха.

Новый оперный театр будет крупнейшим зданием в Свердловске, одним из лучших театров Союза. Здание выстроит в 49 метров займет целый квартал. Зрительный зал сможет вместить одновременно свыше 3 000 чел.

Сцена нового театра будет четверть больше сцены нынешнего театра им. Луначарского. Механическая перестановка площадок в антракте займет не более 5 мин.

Стоимость строительства театра оперы определена в сумме свыше 20 млн. руб. (Роста).

Президиум свердловского облисполкома окончательно утвердил проект большого свердловского оперного театра работы архитектора Фридриха.

Новый оперный театр будет крупнейшим зданием в Свердловске, одним из лучших театров Союза. Здание выстроит в 49 метров займет целый квартал. Зрительный зал сможет вместить одновременно свыше 3 000 чел.

Сцена нового театра будет четверть больше сцены нынешнего театра им. Луначарского. Механическая перестановка площадок в антракте займет не более 5 мин.

себя, когда говорил о преувеличенности сравнений, заставляющих самую интересную сущность дела.

Сущность дела была в том, что после Хольдыня люди стали очень много думать и не о душевном самоуверенствовании.

Не только стал Краснова, путь Краснова шел мимо Толстого. И Лев Николаевич принял бой.

Толстой был, вероятно, подальше не только неправильностью языка и сравнений, это видно по тому, что он откровенно признавался.

И. Н. рассказывал меня о Москве, спросил про С. И. Танеева. Рассказывал, что читал статью или книжечку (не помню) какого-то Краснова о «Хольдыне» (очевидно, это чтение и послужило толчком к написанию рассказа). (А. В. Гольденвейзер, «Воспоминания», т. II, М., 1923 г., стр. 8).

Кроме вещи Краснова в своем рассказе Толстой использовал, по словам И. П. Линченко («Речи и поминки», сборник статей, Одесса, 1914, стр. 301), рассказ проф. И. И. Иванюкова.

Профессор рассказывал о том, что сильно надоедала барышня, дочь богатого адвоката, пошла на Хольдыня посмотреть, как веселится народ, и чуть ли не была раздана.

шли из их дома и собирались выходить рано утром.

— Да, мне, папа, хочется не смотреть на народ, а быть с ним. Мне хочется видеть его отношение к молодому парю. Неужели нельзя так раз...

После этого девушка целует большую белую руку отца и идет на Хольдыню, попадает в давку, и ее спасает представитель народа, рабочий Яковлев.

Никакого жизнеотношения здесь состоит в том, что она увидела толпу народ, который ожидала, и развела в том, что народ — Емельяны — еще лучше воображаемого.

Линия Емельяна построена так: идет картина его упрямой вставкой, оказывается, что он молод, красив и целомудрен.

«Емельян встает, идет босыми ногами за перегородку, бунит Яну, одевается, мылит голову, причисляется, глядит в рабское зеркальце.

Ничего, хорошо. Зато и девка люба. Да, не бормошкаться». Уже усталая, но усталая рука Толстого чувствует в описании того, как еще вчера собрался Емельян на праздник.

радостной улыбкой, которую Рина вспоминала как утешение в самые тяжелые минуты своей жизни.

Тема палто доведена до конца, потому что она для Толстого меряло допустимых работ о земном. Кроме того работа о палто должна отнестись к выигранной (наград).

Присутствие материала Краснова в вещи Толстого ощущалось и уже давно доказано. Толстой использовал кружок, описывающий ужас попавшего в давку купца, и развернул сцену спасения детей, которая у него превратилась в спасение героем Емельяном определенного мальчика.

«Когда она опомнилась, она дежала назавтра на траве. Какой-то человек, вроде мастеравого, с бородкой, в разворочанном палто, сидел на корточках перед ней и брызгал ей в лицо водку. Когда она открыла глаза, человек этот перекрестился и выплюнул водку. Это был Емельян.

— Где я? Кто вы? — На Хольдыне. А я кто? Человек я. Томе помня и меня. Да наш брат все вытерпел! — сказал Емельян.

— А это что? — Рина указала на лезвие мелные у себя на жилоте. — А

